

ВЕЧНО ЖИВОЙ ПАРОЛЬ

ЛЕТОМ, когда открыты окна, я часто с удовольствием прислушиваюсь к доносящимся до меня звукам роля—очень тихим, очень мягким... Это живущая этажом ниже доцент Московской консерватории Екатерина Царева занимается со своими учениками. Удивительна атмосфера этих «сверхурочных» занятий, для которых Екатерина Михайловна не жалеет ни сил, ни часов досуга. Царева бесконечно внимательна к творческим поискам студентов, уважает их. И трепетные нити бескорыстной дружбы, органически вплетающиеся в отношения педагога с учениками, выдерживают длительные испытания временем, рождая в сердцах молодых людей чувство глубокой признательности к своей наставнице. Но не только это. Передавая ученикам эстафету искусства, Царева воспитывает в них трудолюбие, уважение к творческому процессу—своему и чужому. А последнее очень важно.

Творческий процесс—основа основ всего нашего созидания, его живая сердцевина. Он не имеет выходных дней... Ему «не спится» даже по ночам...

Его живой пульс бьется непрерывно: и на рабочих местах, и в домашней обстановке. Если бы заглянуть в ранние или поздние часы вечера (а то и в ночные!) во многие квартиры, мы увидели бы... Архитектор, обдумывающий проект будущего дома... Режиссер, готовящийся к завтрашней репетиции... Писатель в поисках точного слова... Рабочий, склонившийся над чертежом сложной детали... Учитель с планом урока... Вся их работа—творческая. Это все живые, слагаемые единого масштабного процесса строительства нового мира.

Творческий процесс! С каждым днем нашей жизни он становится все разнообразнее,

охватывает все новые виды деятельности. Это прекрасно, но это и повод для беспокойства. Ведь творческий процесс легко раним, уязвим. На его драгоценном счету не только каждое мгновение, но и малейший психологический нюанс. На его результатах отражается и настроение его участников, и обстановка, в которой он протекает. Вот почему так необходимо всячески оберегать среду его «обитания» от всего, что способно отрицательно на него воздействовать, и в особенности, говоря языком медиков, от разнообразных «внешних раздражителей». А вариантов таких раздражителей немало, они не поддаются учету, и от них не так легко бывает избавиться.

...Передо мной старая, пожелтевшая тетрадь: роль скупца Гранде. С ней в моей жизни связано очень многое. Пятсот раз я сыграл эту роль на сцене Малого театра, участвовал в радиоспектакле «Евгения Гранде», снимался в экранизации романа Бальзака. Начиная с первых же реплик и вплоть до финальной сцены, роль требовала огромного психофизического напряжения, процесс работы над ней был очень труден, и готовился я тщательно.

На одной из страниц тетрадки читаю запись: «Сегодня ездил в Сокольники. Уединился в отдаленной аллее и почти в полный голос учил...» Такие же или похожие записи можно найти в тетрадях работы над ролями Сальери в пушкинской маленькой трагедии, короля Лира (этого шекспировского героя, к моему глубочайшему сожалению, мне не по своей

вине, так и не довелось сыграть в Малом театре)... Но почему же для того, чтобы учить роль, приходилось отправляться в парк, в лес? Что меня заставляло? Прежде всего городской шум, грохот. А особенно непрерывные, чуть ли не паровозной мощности, автомобильные сигналы.

Конечно, они мешали всем. Но вот их, наконец, запретили подавать в черте города, за исключением особых случаев грозящей опасности. Казалось бы, «биография» их на этом должна была завершиться. Однако прошло несколько лет, и постепенно под предлогом «опасной ситуации» водители снова стали сигналить всюю, даже в тех случаях, когда нет и намека на какую-либо опасность,—просто ради того, чтобы обеспечить себе «зеленую улицу».

К сожалению, так бывает нередко. И все же водитель водителю рознь. Совсем недавно я был свидетелем такой сценки. Женщина, нагруженная покупками, медленно перешла Малую Бронную, не замечая приближающейся машины. Милиционеры поблизости не было—шофер мог бы и сигнализировать. Но он этого не сделал: тихонечко притормозил и остановился в нескольких шагах от женщины. Она сначала вздрогнула, а потом благодарно и извинительно улыбнулась тому, кто не захотел ни спугнуть ее, ни обеспокоить жителей улицы резким сигналом. В этом маленьком эпизоде нашла свое выражение не только профессиональная дисциплина водителя, но и присущее ему уважение к человеку—вечно

живой пароль в большой мир людских отношений, где так ценится каждое проявление этого благородного чувства.

Проблема шума—одна из самых живучих. Сколько уже говорилось о том вреде, который он приносит! Эта тема на все лады «перелицована», но тем не менее к ней приходится постоянно возвращаться. Опубликовано множество статей и писем о шуме, а жалобы все-таки из года в год повторяются почти одни и те же. Особое место в них уделяется радиоприемникам и магнитофонам, запускаемым на полную катушку и выставляемым по законенной привычке на подоконники или на балконы.

Авторы писем в редакции жалуются на шум, нарушающий их покой, отдых. Не менее важно и другое. Как трудно бывает «укротить» этих заядлых нарушителей тишины! Они побеждают—с ними просто устоят бороться. А ведь в таких случаях музыка, пение превращаются в привычный шумовой фон и могут «омозолить» слух человека, выхолостить живую душу искусства. Перенасыщение музыкой порождает эмоциональное безразличие к ней, приводит к эстетической глухоте. А наша жизнь торопит процесс эстетического воспитания, художественная культура играет с каждым днем все большую роль в жизни общества. И если человек остается пассивным в восприятии прекрасного, равнодушным к красоте и могуществу искусства, если не стремится к постоянному духовному обновлению, то он обкрадывает не одного себя, но и наше завтра.

И еще одно. Безусловно, посягательства на спокойный отдых людей недопустимы. Но хочется вернуться к проблеме охраны творческого процесса от внешних раздражителей. Здесь можно и должно говорить не только о шуме.

Врач чутко вслушивается в биение сердца больного, стараясь точнее диагностировать его состояние. Мысль врача напряжена, это творческий процесс большой значимости, но вдруг—нетерпеливый стук в дверь: «Мне только подписать бюллетень...» Сколько раз мы наблюдали подобную бестактность!

Вы в своем учреждении сосредоточенно склонились над письменным столом. А за соседним молодые сослуживцы ведут азартный диалог о достоинствах новой телесерины или трудностях с помародой—громко, нисколько не стесняясь. Ваш творческий процесс сорван!

А ночные звонки поклонниц своим кумирам, прямо скажем, нагло врывающиеся порой в мучительный процесс работы над ролью, а бессмысленные розыгрыши!.. Кстати, на такие же звонки жалуются даже работники «Скорой помощи»—вот как влезает в кровь некоторых людей привычка не думать о других!

Таких вариантов множество... Мальчик самозабвенно строит модель самолета—трепетные мгновения творчества! Каким осторожным, каким бережным надо быть, чтобы не разрушить их. Но входит мама и прерывает работу, требуя немедленно вынести мусор или

сбежать в булочную. Как не вовремя! Ребенок нехотя повинуется, он раздосадован... Слов нет, сын обязан выполнить поручение матери, но ведь можно несколько позже? А так мальчик получил первый урок неуважения к творческому процессу. И, кто знает, причудливый к тому, что можно грубо посягать на него, со временем сам этот мальчик не будет ли способен нечутко относиться к людям и в первую очередь к своим же близким?

Подчеркну еще, что творческие процессы не существуют изолированно друг от друга, вне живой, органичной взаимосвязи. Несмотря на чисто «производственные» различия, в совокупности своей все они подчинены единой цели—сделать жизнь человека лучше, красивее. Вот почему с самых малых лет необходимо прививать детям не только тягу к самостоятельному творчеству, но и понимание важности происходящей в другом человеке внутренней работы, необходимости уберечь ее от каких бы то ни было внешних раздражителей.

А что делать с людьми взрослыми, но еще не осознавшими этого? Одними административными мерами проблему не решить. Я думаю, что в процессе практического применения разнообразных «правил общежития» нужно проявлять всякий раз творческую живинку, инициативу, избирая самые эмоционально насыщенные варианты, способные осветить и регулировать мир взаимоотношений, свежо, как бы всегда заново прочитывая эти «пред-

писания». А, главное, не превращать их в будничные набор расхожих нравоучений. Об этом я вспоминаю всегда, слушая столь знакомое всем радио- и телевизионное обращение: «Поздний вечер, но вы продолжаете слушать и смотреть передачи... Благодарим за внимание. Однако впереди трудовой день, поэтому позаботьтесь, пожалуйста, об отдыхе и покое ваших соседей: приглушите звучание приемников и телевизоров...» Эта просьба проникновенно читается диктором на фоне тихой мелодичной музыки, но... все ли внимает ей? Часто она не воздействует на сознание потому, что привычна, давно отслужила свой срок и стала автоматически восприниматься как дежурное, ни к чему не обязывающее напоминание. Я уверен, что такие обращения могут принести пользу только в том случае, если они будут периодически меняться по форме, если их текстовая и интонационная партия станут разнообразными. Радио и телевидение должны быть в постоянном поиске, активно использовать весь богатейший арсенал своих возможностей.

Помехи творческому процессу почему-то обсуждаются редко или не обсуждаются вовсе. А мне кажется, надо говорить об этом в полный голос, потому что на фоне грандиозного картины нашего созидания, всестороннего духовного развития советского человека, мощного подъема литературы и искусства все явственнее становится необходимость бережного отношения друг к другу, все нетерпимее проявления дурных привычек, неуважения к труду другого человека, к происходящему в нем творческому процессу.

Семен МЕЖИНСКИЙ,
народный артист РСФСР.